

В.О. Бобровников **Создание мусульманского духовенства в России (кавказско-поволжские параллели)***

К эпохе Великих реформ XIX столетия Россия подошла с довольно стройной и завершенной системой управления неправославными подданными. Правительство курировало мусульманские регионы империи через Оренбургский (Оренбургское магометанское духовное собрание, или ОМДС) и Таврический муфтияты, замыкавшиеся на Министерстве внутренних дел в Петербурге. Мусульмане Кавказского края считались в юрисдикции ОМДС, основным ареалом деятельности которого оставались со времени его учреждения Волго-Уральский регион и Западная Сибирь. Вместе с преобразованием управления и экономики правительство начало в мусульманских регионах страны целую серию религиозных реформ, игравших порой не менее важную роль при определении отношений подданных мусульманского пограничья с имперскими центрами в Уфе, Тифлисе и Петербурге. История религиозных преобразований еще крайне слабо изучена и осмыслена. Следует отметить, что эти мероприятия касались прежде всего унификации и централизации организации религиозных общин мусульман. Кроме того, довольно сильно был изменен статус местных неправославных религиозных элит.

Предыстория вопроса: власть и мусульманские элиты в России

Россия — один из наиболее своеобразных регионов на периферии мусульманского мира. Становление мусульманских сообществ здесь шло в общем русле исламизации Восточной Европы, Кавказа, Поволжья и Центральной Азии, растянувшейся более чем на тысячелетие с середины VII до XIX вв. Специфику ислама в России определили его длитель-

* Работа подготовлена по проекту «Духовные управления мусульман на Северном Кавказе и в Волго-Уральском регионе: сходства и различия» при содействии и финансовой поддержке Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования, которому автор выражает свою искреннюю благодарность.

ное сосуществование с разными немусульманскими конфессиями (язычеством, христианством, иудаизмом и буддизмом), культурный обмен между внутренними мусульманскими регионами страны и их периодическая изоляция от зарубежных мусульманских центров.

Отношения средневекового Русского государства с его мусульманскими соседями определялись не военным противостоянием, а торговыми связями, что подтверждается данными археологии (клады дирхемов и пр.). В правление Владимира Святославича в Киев приходили мусульманские миссионеры, которые, однако, не добились здесь успеха, в отличие от Волжско-Камской Булгарии, правители которой позднее приняли суннитский ислам (922). Ханы Золотой Орды, в которой ислам стал официальной религией в первой половине XIV в., не стремились к исламизации русских княжеств и не вмешивались во внутреннюю жизнь Русской православной церкви. Борьба Великого княжества Московского с Ордой не носила религиозного характера и определялась политическими интересами обретения независимости.

Мусульманская духовная и военная элита участвовала в создании единого Русского государства. С XIV в. выходцы из тюрко-монгольской знати переселялись из Орды на Русь, получая после принятия православия все права и привилегии русской аристократии. Многие знатные роды мусульманского происхождения поступали на русскую службу, сохраняя ислам: им жаловали земли, но не разрешали владеть крепостными-христианами. В середине XV — конце XVII в. от Москвы зависело Касимовское царство, правителем которого мог быть только мусульманин из рода Чингисидов. В многочисленных войнах, которые вела со своими соперниками Москва, на ее стороне выступали отряды татар-мусульман. Они сыграли значительную роль в разгроме Новгорода в Шелонской битве 1471 г. и в походе царя Ивана Грозного на Казань в 1552 г. В Смутное время многие представители мусульманской элиты и «служилые татары» участвовали в освобождении Москвы от поляков Вторым ополчением. В утвержденной Земским Собором 1613 г. грамоте об избрании на русский престол царя Михаила Федоровича (Романова) стояли подписи выбранных мусульманской знатью Русского государства семи татарских муруз. Верным новой династии помещикам-мусульманам в порядке исключения были оставлены приобретенные ими в Смутное время земли с крестьянами-христианами [Арапов, 2001, с. 17].

В Московском великом княжестве и Русском государстве ислам официально никогда не запрещался, но переход мусульман в православие приветствовался. Ту же установку имела конфессиональная политика Российской империи при Петре I, который лишил отказавшихся креститься «служилых татар» права обладания поместьями и вотчинами с крепостными-христианами (1713) и распространил на мусульман рекрутскую повинность (1722). Указами первых российских императоров и императриц ограничивалось строительство новых мечетей, мно-

гие молитвенные дома и медресе были закрыты, попытки возврата из православия в ислам жестко карались. Исламская политика императрицы Елизаветы Петровны была противоречивой. Правительство поощряло миссионерскую деятельность среди мусульман и язычников Поволжья так называемой Новокрещенской конторы. В то же время в 1756 для приведения мусульман к присяге было разрешено строительство новых мечетей в ряде губерний Европейской России.

Положение ислама в государстве зависело от внешнеполитических успехов Российской империи. Политическое признание ислама и начало его изучения связано с активизацией российской политики на мусульманском Востоке. Во время Каспийского похода по именному указу Петра I в 1722 г. было напечатано первое отечественное сочинение по исламоведению — «Книга Систима или состояние мухаммеданския религия» Дмитрия Кантемира. Завоевание при императрице Екатерине II новых мусульманских регионов вызвало переход к политике ограниченной веротерпимости. Не случайно указ 17(28) июня 1773 г., разрешивший строительство мечетей и даровавший мусульманским общинам административно-религиозную автономию, был принят после занятия русскими войсками в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Крымского ханства (1771) и подписания договора с ханом Сахиб-Гиреем II (1772), по которому ханство переходило от Османской империи под российское покровительство. Сразу после присоединения Крымского ханства к Российской империи (1783) императрица Екатерина II издала манифест с обещанием свободы исповедания ислама мусульманам Крыма и Кубани. После 3-го раздела Речи Посполитой аналогичный манифест был обращен в 1795 г. к литовским татарам [Арапов, 2008].

Были приняты меры по интеграции мусульманской знати восточных и западных окраин в российское дворянство. По указу 1784 г. «князя и мурзы магометанского закона» получили все права и привилегии российского дворянства, кроме возможности владения крепостными-христианами (в Литве в порядке исключения это право было сохранено за местными помещиками-татарами). Мусульмане — генералы, офицеры и гражданские чиновники русской службы, — получали равные православным все причитающиеся по рангу виды денежного и вещевого довольствия. С целью привязать к империи кочевников Казахской степи Екатерина II покровительствовала распространению ислама: российские власти строили здесь мечети, в которые посылали лояльных к империи татарских мулл. С 1787 г. за казенный счет началось издание арабского текста Корана в С.-Петербурге, продолженное в Казани, куда в 1802 г. была перенесена первая российская мусульманская типография.

Легализация ислама позволила создать в Российской империи конца XVIII — XIX в. своеобразную систему государственного регулирования религиозной жизни российских мусульман через региональные

Духовные правления (муфтияты). Подобные структуры не имели в себе ничего исламского, но отвечали политическим интересам правительства, стремившегося к установлению полного контроля над всеми конфессиями в империи. Ислам потерял независимость от российских немусульманских властей и бюрократизировался, повторив судьбу Русской православной церкви после ликвидации патриаршества и учреждения Святейшего синода. Включенная в иерархии региональных муфтиятов часть лояльной мусульманской духовной элиты послужила ядром для созданного в империи сословия «мусульманского духовенства» — отличительной черты ислама в России Нового и Новейшего времени.

Система регионального контроля над мусульманскими подданными империи

С XVIII в. мусульмане были включены в бюрократические институты империи. Хотя в исламе нет церкви и духовенства, к 1917 г. в России из части лояльной мусульманской духовной элиты было создано так называемое мусульманское духовенство [Фархшатов, 2006]. Его высшие слои (муфтии, кади, ахун(д)ы, эфенди) находились на казенном содержании. Пытаясь выстроить властную вертикаль от муфтия до муллы, власти по образцу Синода проектировали муфтияты как орудие государственного контроля ислама. На юго-востоке Российской империи в 1788 г. был учрежден первый российский суннитский муфтият — Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), открытое в Уфе 4(15) декабря 1789 г. Штат ОМДС включал назначавшегося императорским указом председателя-муфтия и трех выборных заседателей (кади). Юрисдикция ОМДС распространялась на всю территорию Европейской России и Сибири, кроме Тавриды. До 1868 г. к ОМДС относился и Степной край (на территории современного Казахстана). Для расположенных здесь мусульманских общин («приходов») муфтият служил высшей инстанцией шариатского суда. Кроме того, он ведал ремонтом и строительством мечетей, проводил экзамены кандидатов на занятие духовных должностей, получавших государственную лицензию (указ) и именовавшихся потому «указными муллами и муэдзинами», а также вел учет метрик мусульманских общин, которые с 1828 г. обязаны были вести муллы. Представители мусульманской элиты ОМДС, в частности муфтий Мухаммеджан Хусаинов (1756–1824), помогали установлению власти Российской империи среди мусульман Средней Азии и Северного Кавказа.

Создание Таврического магометанского духовного правления, сходного с ОМДС по структуре и функциям, началось в 1794 г., но затянулось до 1831 г. Его юрисдикция, кроме Крыма, распространялась на мусульман Западного края (в основном литовских татар). В отли-

чие от ОМДС в Тавриде была легализована часть вакфов, суфийские братства и дервишские текии. Высшие должности «мусульманского духовенства» могли наследоваться. Таврический муфтий, как и председатель ОМДС, назначался императором, оба они получали денежное содержание, равное окладу генерал-майора русской службы, и были подсудны лишь Сенату. По «Уставу духовных дел иностранных исповеданий» 1857 г., деятельность Оренбургского и Таврического муфтиятов курировалась Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД.

Подготовка преобразований началась еще в правление Николая I (1825–1855), а реализация затянулась почти на полвека. «Устав духовных дел иностранных вероисповеданий», определивший правовой статус иноверцев в империи, был разработан при Николае, но издан уже после его смерти, в первые годы царствования Александра II (1857). Власти пытались «дисциплинировать» жизнь мусульман региона, «встроить» мусульманскую духовную элиту в систему официальных институтов империи в центре и на местах. Реформы последней трети XIX в. на Кавказе были в целом направлены на упрочение государственного надзора за деятельностью мусульманских подданных империи, с намерением по возможности избегать конфронтации с ними. В царствование Александра I наряду со Святейшим Синодом появилось несколько недолговечных центральных учреждений, созданных для надзора и управления лицами неправославных исповеданий. Они не разменялись, пока в 1832 г. при МВД не появился Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ), остававшийся важнейшей частью министерства вплоть до революции 1917 г., за исключением короткого периода в конце правления Александра II (1880–1881), когда ДДДИИ был временно выведен из состава МВД. При Александре III он вновь вернулся в министерство.

До гибели империи в феврале 1917 г. ДДДИИ оставался центральным правительственным органом, контролировавшим жизнь мусульман, буддистов и лиц прочих неправославных исповеданий. Он состоял из трех небольших отделений, из которых последнее, третье, ведало нехристианскими религиями, в том числе и мусульманами Северного Кавказа. При надзоре за иноверцами ДДДИИ, согласно общим установкам дисциплинарных государственных режимов того времени, обязан был придерживаться «принципа полной терпимости, насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка» [Министерство..., 1901, с. 153]. В огромном аппарате министерства ДДДИИ был одним из самых небольших. В него входило всего 30–40 чиновников. В последней трети XIX в. большинство из них имело высшее образование, полученное в одних из лучших учебных центров страны — в Училище правоведения, Киевской и Казанской духовной академиях.

Кроме постоянных сотрудников в ДДДИИ имелся более обширный штат научных консультантов и экспертов. Правительство пыталось по возможности привлекать к решению проблем, связанных с исламом и мусульманами, компетентных отечественных востоковедов и этнографов. Среди них встречались даже иноверцы, в частности ведущий эксперт ДДДИИ по исламу профессор Казанского и Петербургского университетов А.К. Казембек (1802–1870) — родом перс из Дербента, в юности обращенный в пресвитерианство шотландскими миссионерами в Астрахани. Однако он был исключением из общего правила. В отличие от других правительственных учреждений, ДДДИИ предъявлял исключительно высокие требования к «чистоте» вероисповедания своих консультантов. Обычно они набирались из православных, как, например, этнограф-музыковед и один из крупнейших специалистов по мусульманам России С.Г. Рыбаков [о нем см.: Арапов, 2001, с. 332–335].

Время Великих реформ было еще и временем «открытия ислама». В российской науке и политике пробуждается довольно заметный интерес к изучению ислама. Быстро складываются школы востоковедения и исламоведения, академическая в Петербурге и миссионерская с центром в Казани. В Тифлисе и в особенности на Северном Кавказе самостоятельной школы тогда появиться не могло. Вместе с тем изучение исламских древностей и современных мусульман на Северном Кавказе внесло свою лепту в развитие представлений об исламе в российской науке и политике. При наместниках кавказских работало в свое время немало известных востоковедов практического направления. Крупнейшими среди них были: востоковед и дипломат Н.В. Ханьков, уже упоминавшийся выше Казембек и Н.Е. Торнау. На материалах Северного Кавказа были созданы известная работа Казембека о мюридизме, заметки Торнау и генерала А.В. Комарова об адате и шариате [Комаров, 1868; Казембек, 1991; Бобровников, 2003]. Нужно также упомянуть деятельность безымянных военных переводчиков Кавказской армии, сохранивших дошедшую до нас хронику Хаджи-Али Чохского о Шамиле и многие другие источники.

Влияние ориенталистского мировоззрения XIX в. на изучение и покорение Северного Кавказа — отдельная большая тема [Бобровников, 2011]. Сейчас нам важно подчеркнуть, что изучение ислама, по верному замечанию современного американского историка Пола Верта, привело к переоценке прежде более благожелательного отношения к исламу, к общему ужесточению конфессиональной политики России [Werth, 2002, p. 199]. Под влиянием востоковедов и миссионеров среди чиновников в Тифлисе и в Петербурге распространяются страхи перед внешней и внутренней исламской угрозой, от которой они пытаются отгородиться при помощи православия, государственных границ и новых форм контроля над мусульманами. Конечно, в этой переоценке немалую роль сыграло рассмотренное нами выше мусульманское пов-

станчество на Кавказских войн XIX в., в частности движение Шамиля и восстание 1877 г. Но главным источником поворота в конфессиональной политике России в центре и на Кавказе был, на наш взгляд, все же союз ученых, миссионеров и политиков.

К 50–70-м гг. XIX в. под влиянием страхов в правительстве складывается два диаметрально противоположных подхода к исламу. Один из них предполагал полный пересмотр конфессиональной политики Российской империи, начиная с Екатерины II. Императрицу обвиняли в потакании мусульманам [Малов, 1867, с. 297]. В создании ОМДС они видели не победу, а поражение российской власти в борьбе с исламом. Сторонники этого направления считали крайне опасным концентрацию власти в руках «мусульманских фанатиков». В будущем они предлагали отказаться от создания новых муфтиятов, в том числе и на Кавказе, полностью игнорируя мусульманскую духовную элиту. В лагере сторонников этой точки зрения был начальник штаба Барятинского, а затем военный министр Д.А. Милютин (1860–1881). Сходных взглядов придерживались известные востоковеды практического направления, в частности Е.Н. Торнау и Н.В. Ханьков. Военное министерство в целом поддерживало план игнорирования ислама.

Противники этого направления настаивали на продолжении централизации управления и надзора за деятельностью ислама и в особенности мусульманской духовной элиты, развивая иерархические структуры, подобные ОМДС. Для противодействия враждебным иностранным исламским влияниям сторонники этой точки зрения предлагали закрыть границы России по Кавказу для мусульманских агитаторов из-за рубежа, прежде всего для суфиев, а также запретить российским мусульманам выезжать за границу для продолжения там исламского образования. Особенную тревогу представителей этой «партии» вызвала отдаленность Северного Кавказа от центров ОМДС в Поволжье. Действительно, все попытки, начиная с Екатерины II, как-то контролировать или хотя бы влиять на мусульман региона через этот муфтият не имели успеха. К этой точке зрения склонялся Николай I. Наиболее сильными сторонниками этого лагеря оказались чиновники МВД известные востоковеды, практического направления, в частности Е.Н. Торнау и Н.В. Ханьков.

Создание мусульманского духовенства России

Еще в царствование Николая I Министерство внутренних дел разработало амбициозную программу строительства мусульманского «духовенства» с созданием общероссийской сети «ортодоксальных мусульманских учреждений». Несмотря на то, что в исламе в принципе нет ни духовенства и церкви, ни тем паче государственных религиозных иерархий и ортодоксальности, эксперты МВД решили обойти все это путем легализации в России части мусульманской духовной элиты (улемов) и постановки ее на казенное содержание. Улемы должны были

предоставить кадры мусульманского духовенства и помочь с определением «ортодоксального ислама». При разработке иерархий муфтиятов, чиновники ДДДИИ широко использовали опыт Синода, имевшего близкую Оренбургскому и Таврическому муфтиятам организацию, правда не столь регионального характера. Отсюда в российское законодательство по отношению к исламу вошли в общем-то мало подходящие к нему понятия мусульманского «духовенства», «приходов», «муфтиятов» и проч. Северный Кавказ и Закавказье стали одним из основных «полигонов» плана дальнейшей централизации управления исламом.

Область действия ОМДС была ограничена Внутренней Россией и Сибирью. В 1831 г. было создано Таврическое магометанское духовное правление, а 29 ноября 1832 г. по именному указу императора Сенату было приказано разработать аналогичное учреждение для Кавказского края. В силу целого ряда причин образование его затянулось до 1872 г., когда были созданы два *муфтията* — Закавказские магометанские духовные правления (ЗМДП) шиитского и суннитского учений. Идею их создания активно поддерживал наместник кавказский великий князь Михаил Николаевич (1862–1881). С одной стороны, он разделял точку зрения чиновников МВД о необходимости государственной централизации управления мусульманами. С другой — создание ЗМДП было ему на руку, потому что было еще одним шагом по укреплению власти наместника и ослаблению его зависимости от Петербурга. Не случайно резиденцией ЗМДП был выбран центр наместничества — Тифлис.

Целью создания нового муфтията, по словам Михаила Николаевича, был контроль над деятельностью «враждебных по религиозным убеждениям» империи лиц, противодействие укреплению среди влиятельного духовного «сословия» корпоративного антироссийского духа, препятствование проникновению на Кавказ враждебных России представителей мусульманской духовной элиты из Османской империи и Персии. Для осуществления этих задач власти пытались ограничить «круг действий» мусульманской элиты, не ущемляя при этом свободу совести, декларированную в законодательстве; установить надзор над мусульманскими школами и поставить под контроль государства разные виды имущества, составляющие основу финансовой независимости «мусульманского духовенства», в первую очередь *вакфы* на Восточном и Центральном Кавказе. В указе об образовании ЗМДП, как и в других законах того времени, власти прямо заявляли о намерении создать сословие «мусульманского духовенства», материально зависевшее от Российского государства [Отзыв..., 1869; Духовные..., 1874, с. 149].

Положение 1872 г. создавало в Закавказье более упорядоченную иерархию подотчетного властям империи «мусульманского духовенства», чем в ОМДС в Поволжье и Таврическом муфтияте у мусульман Крыма и западных окраин империи. Возникла единая властная вертикаль от сельского муллы до муфтия. Часть мусульманской духовной элиты, получившая государственную лицензию, была поставлена под

двойной контроль — местного губернского и высшего кавказского начальства империи. Средством интеграции мусульман в правовое пространство империи стал шариат. В ЗМДП на всех уровнях был последовательно проведен принцип коллегиального управления под контролем российских гражданских чиновников.

Только на уровне мечетной общины («мусульманского прихода») судебная (по *шариату*) и духовная власть была сосредоточена в руках имамов. Наряду с управлением общиной и преподаванием в частных мусульманских школах они обязаны были вести метрические книги своей общины и регулярно доставлять местным кади сведения о количестве мечетей и школ, рождений, смертей и заключенных браков. Тем самым они превратились в низовых сотрудников государственной статистической службы. Кади помимо своих прямых функций по разрешению споров по брачно-семейным и наследным делам между мусульманами округа должны были надзирать за сельскими имамами, выступая в роли государственных чиновников среднего звена. Они проводили испытания кандидатам в имамы мечетей и судьи по мусульманскому праву, составляли программы для примечетных школ, ежегодные статистические отчеты по губерниям и консультировали власти в вопросах культа. Духовным правлениям подчинялись губернские *меджлисы* (советы из трех членов), а последним — кади, муллы и муэдзины.

На уровне губернских *меджлисов* разбирались дела по вопросам мусульманской обрядности и богослужения, апелляции и жалобы на решения кади, выносились судебные решения по обвинениям простых мусульман и духовной элиты в проступках религиозного характера. Здесь же рассматривали вопросы, касающиеся работы медресе и мектебов губернии, управления вакфами и другим имуществом мечетных («приходских») общин. По пятницам при большом стечении народа на *меджлисах* проводили открытые экзамены кандидатов на должность имама и кади. Кроме того, через *меджлисы* власти контролировали настроения и положение в мусульманских общинах края. Время от времени губернатор обращался к ним с запросами, которые требовали участия мусульманских судей или знатоков шариата.

Государство привязывало созданную им прослойку «мусульманского духовенства» с помощью как «кнута», так и «пряника». Мусульманское духовенство находилось под пристальным надзором властей. Но его представители вместе с тем получили широкие права и существенные привилегии. По Положению 1872 г. и ряду последующих указов, мусульманские духовные лица и их дети были освобождены от уплаты казенных повинностей. Дети высшего духовенства (*эфенди*), прослужившего на службе империи двадцать лет, автоматически получали права детей личных дворян и личных почетных граждан. В случае командировок духовные лица получали прогонные деньги от казны.

Положение закавказского «мусульманского духовенства» было гораздо лучше, чем «указных мулл и муэдзинов» Поволжья и Крыма.

Для поступления в звание мусульманского духовенства был установлен возрастной (22 года) и образовательный (знание основного круга исламских дисциплин, в особенности права, обрядности и догматики) ценз. В состав привилегированного «мусульманского духовенства» Кавказского края не попали только довольно многочисленные суфии и их последователи. Дело здесь было в довольно устойчивых страхах властей перед суфизмом, в котором после Кавказской войны и восстания 1877 г. видели источник антироссийского повстанчества. Определенную роль в появлении этих страхов сыграло и участие суфиев в борьбе с колониальными режимами за рубежом, во французской Северной Африке и в Британской Индии. Эта фобия, сложившаяся к последней трети XIX в. определяла правительственную политику по отношению к суфиям и суфийским братствам не только на Кавказе, но и в других регионах империи, в частности в Средней Азии.

Мусульманские институты в районах «игнорирования ислама» (Северный Кавказ)

Первоначально иерархическую организацию мусульманского духовенства закавказских Духовных правлений собирались распространить на весь Кавказский край. Однако на Северном Кавказе в последней трети XIX и начале XX в. удалось создать только низовой общинный уровень имперской мусульманской администрации. Михаил Николаевич, не разделявший страхов Барятинского перед мусульманской элитой, легализовал большую часть мусульманской духовной элиты, включая муэдзинов, имамов мечетей, *судей-кади* («младших и старших *эфенди*») и преподавателей школ (*мударрис*). Они получили легальный правовой статус «мусульманского духовенства». За границы этого сословия были выведены только суфии, внушавшие правительству большие опасения после Кавказской войны и восстания 1877 г. Однако некоторые из членов суфийских братств все-таки вошли в мусульманское духовенство благодаря традиции совмещения должностей имама, *мударриса*, шейха и проч. Прослойка мусульманского духовенства была относительно велика. В Дагестанской области она охватывала до 5 % местного мусульманского населения.

Наместники, а затем главноначальствующие и начальники округов старались ограничить довольно значительное число низовых мусульманских институтов в регионе. По Положению 1872 г., для открытия одной пятничной джума-мечети в общине должно было быть не менее 150 «прихожан». При больших мечетных общинах полагалось иметь до пяти младших и одного старшего муллу. Разрешение на возведение новых мечетей и открытие школ, *мектебов* и *медресе*, выдавал

начальник области. Однако на деле существовавшие за счет частных пожертвований общин (а на Северо-Восточном Кавказе еще и *вакфов*) мечети и мусульманские школы, особенно начальные коранические классы, полностью ускользали от контроля начальства. Точной статистики мусульманских институтов в регионе не было. Новые школы возникали и закрывались без ведома властей, в зависимости от числа учеников, учителей и имевшихся средств.

Однако даже несовершенная дореволюционная статистика позволяет предположить, что в пореформенное время на Северном Кавказе наблюдался довольно бурный рост низовых мусульманских институтов. Особенно значителен он был на Северо-Западном Кавказе, где исламизация продолжалась. Согласно архивным данным Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики, в 1873 г. в Кабарде и Балкарии было 42 медресе, в 1909 г. — уже 105. Подавляющее большинство мечетей и примечательных школ региона оставалось сосредоточено в Дагестане, сохранившем в пореформенный период роль исламского культурного и религиозного центра Северного Кавказа. По данным областной администрации, в 1915 г. здесь имела 671 примечательная школа, где учились 6592 человека (6067 мальчиков и юношей, 525 девочек). В Дагестанской области было зарегистрировано 1711 квартальных суннитских мечетей (в том числе 343 — пятничных), а также 25 шиитских мечетей и 11 *джума* в Дербенте и Кизляре [Обзор..., 1916].

Выборность мусульманской духовной элиты была сохранена. Однако все кандидаты на пост сельских мулл, мударрисов и кади обязательно проходили через контроль окружного начальства. Так, согласно «Правилам по управлению аулами в Терской области» (1862), областные начальники утверждали сельских мулл, избранных на сходе общины, поддерживая при этом «людей, наиболее преданных правительству, известных своим умом, честностью и справедливостью» и обнаруживших «достаточное знание правил шариата». В начале 1890-х гг. это правило было вновь подтверждено. 8 января 1893 г. начальник Терской области издал распоряжение: «чтобы сельские муллы в магометанских селениях на будущее время назначались не иначе как по выбору окружного *кади* и мною утверждались». Сдавшие экзамен получали у начальников округов (Дагестан) и областей (Терская и Кубанская) удостоверение об утверждении в должности.

По образцу российского Закавказья на Северном Кавказе была введена система экзаменов для «мусульманского духовенства» среднего и высшего звена. Комиссии из членов горского словесного суда во главе с кади его шариатского отдела экзаменовали претендентов на духовные должности «старших *эфенди*» (имам, кади). Перед вступлением в должность они должны были продемонстрировать хорошее знание базовых и высших исламских дисциплин (включая право и догматику), утвержденных наместником в 1876 г. В Дагестанской области

экзамены проводились при 9 народных судах в окружных центрах, в Терской и Кубанской — в горских словесных судах. Младшие *эфенди* (*муэдзины*) не держали экзаменов. При назначении на духовные должности учитывалась лояльность претендентов российским властям. Состоявшие под негласным надзором полиции не имели возможности занять эти должности.

Обязанности мулл, кади и мударрисов здесь практически не отличались от Закавказья. На основании правил 1908 г. из числа знатоков мусульманского права избирались *кади*, по два на область. Назначение на должность они получали только от начальников областей. Младшие *эфенди* ведали вопросами богослужения и обрядности при соборных и квартальных мечетях. Старшие *эфенди* читали пятничные проповеди, регистрировали браки, разрешали в словесных и горских судах споры по брачным и наследным делам, а также проводили метрификацию мусульманского населения. Кади областей надзирали за «приходским духовенством», мечетями и школами при них, проверяли данные статистики метрических книг, а также разбирали в горских и народных судах апелляции на решения сельских судов по вопросам мусульманского права и принимали экзамены на духовные должности.

Права и привилегии легализованной части мусульманской духовной элиты на Северном Кавказе были меньше, чем в Закавказье. Сельские имамы и кади, за исключением членов окружных народных судов Дагестанской области и областных кади, не имели налоговых льгот. Они не получали прав личного дворянства и почетных граждан, оставаясь в податном крестьянском сословии как члены сельских обществ. Источниками существования мусульманского духовенства на Северо-Западном Кавказе были: отчисления от доходов прихожан мечети (по 1 руб. с каждого двора в год), плата за выполнение свадебных и погребальных обрядов, занятия с учениками начальной примечетной школы. Подчеркнем, что, в отличие от Северо-Восточного Кавказа, на Северо-Западном не было вакфов и соответственно отчислений с вакуфной собственности.

По букве закона, во второй половине XIX в. территории Терской и Кубанской областей, Черноморского округа (с 1896 г. — губернии) и Ставропольской губернии продолжали входить в юрисдикцию ОМДС, в то время как мусульмане Дагестанской области и Закатальского округа обязаны были обращаться в Закавказские духовные правления. Однако на деле связи мусульманской элиты региона с муфтиятами в Тифлисе были крайне нерегулярными. Ко второй половине XIX в. практически полностью прервались связи Северного Кавказа и с ОМДС. В Уфу и Тифлис поступило за это время всего несколько отдельных маловажных дел с Северного Кавказа. По справедливому замечанию С.Г. Рыбакова, регион, по существу, выпадал из сферы притяжения обоих муфтиятов [Рыбаков, 2001, с. 270].

Такое положение, судя по всему, не очень беспокоило мусульманские общины и местную мусульманскую элиту на Северном Кавказе. По крайней мере, северокавказские архивы не сохранили жалоб и прошений такого рода. Однако эта проблема надолго стала головной болью окружного и кавказского начальства. Еще в правление Михаила Николаевича власти пришли к выводу о необходимости создания для региона отдельного муфтията. Однако эти предложения неизменно разбивались в Петербурге о доводы сторонников игнорирования ислама в империи. Тем более что после упразднения Кавказского наместничества Терская и Кубанская области подчинялись Военному министерству, где в целом преобладала эта линия. В ведении Военного министерства оставались и мусульманские учреждения, входившие в военно-народное управление в Дагестанской области и в Закавказском округе. С 60-х гг. XIX в. по начало XX столетия в Тифлисе и Петербурге долго обсуждалось создание отдельного Духовного управления для мусульман трех областей Северного Кавказа, Черноморской и Ставропольской губерний.

За эти полвека на Кавказе было выработано несколько проектов реорганизации управления мусульманами региона¹. Наибольший интерес из них представляет проект главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта кн. А.М. Дондукова-Корсакова. В 1889 г. он ходатайствовал перед военным министром об учреждении Духовного управления для мусульман-суннитов Северного Кавказа, независимого как от ОМДС, так и от Закавказских духовных правлений. Его проект отчасти копировал устройство Духовных правлений в Закавказье. Однако в нем гораздо большие права отводились начальнику области, который назначал духовенство, определял число мулл и приходов (мечетных общин). Лишь низшее духовенство сохраняло выборность, хотя и подлежало строгому контролю со стороны кади и муфтия. Иерархия мусульманского духовенства — от приходского муллы до областного кади и контролировавшего их военного начальства областей — замыкалась на главноначальствующем гражданской частью на Кавказе.

Фактически в проекте Дондукова-Корсакова власти Тифлиса должны были заменить ДДДИИ МВД в области руководства мусульманами региона. Петербургские власти тем самым теряли всякий контроль над религиозной жизнью мусульманского населения Северного Кавказа. Вероятно, именно по этой причине этот план был совершенно неприемлем для петербургской бюрократии и центральные власти отклонили проект Дондукова-Корсакова, отдав его в МВД на доработку. ДДДИИ отказался утвердить его.

Вопрос о создании отдельного муфтията для мусульман Северного Кавказа вновь всплыл в начале 1890-х гг., когда была образована комиссия под председательством военного министра и директора ДДДИИ. Однако она ограничилась введением при главноначальствующем

1 | Подробнее об этих проектах см. статью Д.Ю. Арапова в этом номере журнала.

щем гражданской частью на Кавказе должности чиновника по особым поручениям, который обязан был наблюдать за деятельностью «мусульманского духовенства» в регионе. Новый проект Дондукова-Корсакова по управлению мусульманами Кубанской и Терской областей, поданный в Государственный совет в 1893 г., был также отклонен. Дело по проекту тянулось в канцеляриях Петербурга и Тифлиса до 1903 г., когда вопрос о создании северокавказского муфтията был поднят новым главноначальствующим — кн. Г.С. Голицыным. Но из-за противодействия петербургских властей его опять не удалось реализовать.

От Российской империи к СССР: эпоха перехода

В конце XIX — начале XX в. политика российского правительства по отношению к исламу отличалась противоречивостью. Наряду со сторонниками огосударствления ислама имелась влиятельная группировка чиновников, видевших в дальнейшей централизации мусульманских институтов угрозу целостности страны. Власть стремилась интегрировать российских мусульман в «единое государственное тело» монархии через распространение православия и создание системы «русско-туземных» школ с преподаванием на основе переведенных на кириллицу с арабской графики языков коренного населения. Осуществить этот проект безуспешно пытались обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев и его советник по мусульманским делам Н.И. Ильминский. Одновременно власти поощряли строительство новых мечетей, выделяя на это казенные субсидии (Соборная мечеть в С.-Петербурге, военно-морская мечеть в Кронштадте и др.). МИД принимал участие в организации хаджа российских мусульман в Мекку, куда из России и находившихся под ее протекторатом ханств Средней Азии отправлялось до 8–10 тысяч человек в год. Он также пытался контролировать паломничество российских шиитов в Неджеф и Кербелу.

Созданное властями «мусульманское духовенство», в свою очередь, раскололось на консерваторов, отстаивавших традиционную систему образования, и реформаторов-джадидов, выступавших за модернизацию мусульманской жизни, прежде всего школьного дела. Большинство джадидов поддерживало изучение мусульманами русского языка, защищая при этом создание исламских по духу «новометодных» школ, в которых приемы европейской педагогики сочетались бы с изучением норм шариата, основ арабского и национальных языков на базе реформированной арабской графики. Основоположником идеологии и практики джадидов в России явился Исмаил-бей Гаспринский, создавший в Крыму первую российскую исламскую газету «Терджиман» (1883) и первую «новометодную» школу (1884). События первой русской революции 1905–1907 гг., Иранской революции 1905–1911 гг. и Младотурецкой революции в Османской империи

1908 г. активизировали политическое движение российских мусульман. В 1905–1906 гг. власти вынуждены были легализовать деятельность мусульманских союзов и собраний, издание мусульманской печати. В Государственной думе сформировалась мусульманская фракция. Особое значение «мусульманскому вопросу» как составному элементу национального вопроса придавал П.А. Столыпин.

Большинство из региональных муфтиятов имперского времени смела Февральская революция. В мае 1917 г. на I Всероссийском мусульманском маджлисе в Москве был создан Всероссийский центральный мусульманский совет (распущен в 1918). ОМДС было вскоре преобразовано в Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) внутренней России и Сибири. Вместе с тем в раннее советское время статус ислама повысился. В первые годы после установления советской власти сложились весьма сносные отношения между государством и мусульманскими общинами. Ислам были уравниены в правах с православием. Прекратились преследования суфиев. Значительное количество мусульманских улемов и имамов мечетей поддерживали большевиков. На мусульманских окраинах Советской России, на Северном Кавказе и в Средней Азии мусульмане до середины или даже конца 20-х годов пользовались значительными льготами. Они обладали определенной культурной, правовой и судебной автономией. Абсолютно легально работали сотни примечательных школ — медресе и мектебов. Они содержались мусульманскими общинами за счет вакфов и отчислений из обязательной для мусульман очистительной милостыни (закят).

В мусульманских автономиях Северного Кавказа и отчасти в ранних советских республиках Средней Азии действовала целая сеть шариатских судов, работа которых основывалась на нормах мусульманского (фикх), местного обычного (адат) и советского государственного права. В некоторых регионах, например в Дагестанской АССР (до 1927 г.), действовала многоступенчатая иерархия шариатских судов. До середины 20-х годов продолжалось издание исламской литературы и отдельных газет и журналов на арабском и других восточных языках в арабской графике. В общеобразовательной школе в мусульманских регионах изучался арабский язык и Коран. Только 21 августа 1925 г. Наркомпрос СССР запретил обучать Корану и исламу детей моложе 12 лет.

Крушение императорского режима и установление советской власти в России вовлекло мусульман страны в общероссийские социальные процессы, развивавшиеся с ускорением. Однако действительный ход событий принес им тяжкие испытания: Гражданская война трагически разделила мусульманские народы России между борющимися группировками, огненным смерчем прошла по Поволжью, Северному Кавказу и Крыму, погубив множество человеческих жизней и материальных богатств; лидеры исламских общин вместе со своими

последователями были чаще всего на стороне тех, кто не мог принять идей атеизма и отрицания частной собственности, и потому были истреблены или выброшены за пределы Советской России; исход северокавказских и крымских мусульман был особенно велик.

Остававшееся на родине большинство мусульманского населения имело еще меньше возможностей выбирать собственный путь и влиять на свою судьбу, чем при царизме, так как было крайне слабо представлено в единственной правящей партии и ее руководящих органах, которые принимали и реализовывали решения. Социальные эксперименты коммунистов сопровождались жесточайшими преследованиями верующих, в том числе последователей ислама, священнослужители которого вместе с тонким слоем политически и интеллектуально активных мусульман были уничтожены или нейтрализованы. Индустриализация и коллективизация разрушили извечную опору ислама — сельскую общину и городское торгово-ремесленное сословие.

Смена арабского алфавита на латиницу и затем на кириллицу, запрет любых форм религиозного обучения и воспитания, как и публичного совершения праздников и обрядов, привели к утрате преемственности в передаче культурной информации, спонтанному отрыву нового поколения от традиций предков. Навязывание атеистического мировоззрения и военизированного советского образа жизни в условиях растущей зависимости человека от технологических и управленческих систем сделали даже соблюдение индивидуальных обязанностей мусульманина весьма затруднительным и предосудительным. Когда выстраивался тоталитарный большевистский режим со своим культом и обрядностью, ислам был ему особенно ненавистен. Парадоксально, однако, что вера в коммунистическую утопию, хотя ее прививали искусственно и принудительно, оказалась впоследствии весьма привлекательной для многих мусульман.

* * *

Следует отметить немалый вклад созданного империей мусульманского духовенства, интеллигенции и особенно реформаторов-джадидов, появившихся в Поволжье, Средней Азии и на Кавказе в конце XIX в., в раннее советское государственное и культурное строительство. Мусульманское духовенство в целом поддержало обе русские революции, увидев в них путь к модернизации ислама, освобождению мусульман от колониального гнета. В 1917 — середине 1920-х гг. советская власть столкнулась с мусульманским повстанчеством лишь в отдельных областях и республиках Северного Кавказа (Дагестан, Чечня) и Средней Азии. Наиболее известными образцами последнего были восстание Наджмутдина Гоцинского (1920–1921) и басмаческое движение конца

1917 — 1930-х гг. Но в целом мусульманская духовная элита и мусульманская интеллигенция восточных окраин оказывала содействие советской власти при проведении культурных реформ. Учителя медресе преподавали и в первых советских светских народных школах. Джадиды участвовали в создании советской прессы, обсуждая вопросы советского государственного строительства на страницах выпускаемых ими после в первые годы после установления советской власти газет и журналов, таких как «Байан ал-хака'ик», выходивший в 1925–1928 гг. в Дагестане². По заданию руководителей советских автономий и республик мусульманские улемы начали сбор материалов по истории и культуре своих регионов и народов. Но все это уже другая проблема.

2 | См. статью А.Р. Наврузова об этом еще мало известном у нас журнале.

Список источников и литературы

- Werth, 2002 — *Werth P. At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905.* Ithaca; London, 2002.
- Арапов, 2001 — Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.
- Арапов, 2008 — *Арапов Д.Ю. Ислам в России // Алексеев И.Л., Арапов Д.Ю., Бобровников В.О., Ибрагим Т.К., Стародуб Т.Х. Ислам // Большая Российская Энциклопедия. Т. 11. М.: 2008.*
- Бобровников, 2003 — Записка «Об устройстве судебного быта мусульман» (1863-1864) / Публ. и комм. В.О. Бобровникова // Сборник Русского исторического общества. Т. 7. Россия и мусульманский мир. М., 2003.
- Бобровников, 2011 — *Бобровников В.О. Ориентализм в литературе и политике на российском Кавказе XIX в. // Tartaria Magna. 2011, № 1.*
- Духовные..., 1874 — Духовные учреждения иноверческих конфессий // Отчет по Государственному совету за 1872 г. СПб., 1874.
- Инструкция... № 446 — Инструкция № 446/72/цс НКВД и Народного Комиссариата просвещения СССР // Государственный архив Российской Федерации. Ф. р-1235. сч. Оп. 140. Д. 31. Л. 15.
- Казембек, 1991 — *Казембек А.К. Мюридизм и Шамиль. Махачкала, 1991.*
- Комаров, 1868 — *Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Отд. I. Тифлис, 1868.*
- Малов, 1867 — *Малов Е.А. О татарских мечетях в России // Православный собеседник. 1867. № 3.*
- Министерство..., 1901 — Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1901.
- Обзор..., 1916 — Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916.
- Отзыв..., 1869 — Отзыв великого князя наместника Кавказского председателю Кавказского комитета с проектами об управлении Закавказского мусульманского духовенства Шиитского и Суннитского от 15-го января 1869 г. № 673 // Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 126. Оп. 2. Д. 14. Л. 2–2об.
- Рыбаков, 2001 — *Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России // Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.*
- Фархшатов, 2006 — *Фархшатов М.Н. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Под ред. С.М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006. С. 286–293.*